

Эрнест Леопольдович Радлов

Очерки истории русской философии

Эрнест Радлов

**Очерки истории
русской философии**

«Public Domain»

1912

Радлов Э. Л.

Очерки истории русской философии / Э. Л. Радлов — «Public Domain», 1912

Эрнест Леопольдович Радлов (1854–1928) – русский историк философии, переводчик. Существенное влияние на Радлова оказали философские идеи Вл. Соловьева, с которым он многие годы поддерживал дружеские отношения. Философия в России, с точки зрения Радлова, развивалась, прежде всего, в университетах. Подлинную самостоятельность она стала обретать только во второй половине XIX в. в трудах Кудрявцева-Платонова, Каринского и Соловьева. В «Очерке истории русской философии» (1912) Радлов утверждал, что русская мысль на всех ее этапах отличалась мистицизмом и интересом к этическим проблемам.

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эрнест Леопольдович Радлов

Очерки истории русской философии

I

Просвещение в России стало распространяться со времен введения христианства. Почти тысячелетняя история просвещения шла не по прямой линии прогресса; в трех периодах – Киевском, Московском и Петербургском – каждый раз приходилось начинать дело с начала; в каждом периоде самостоятельной письменности предшествовало распространение переводной литературы, на плечах которой развивалось самостоятельное мышление. Первый перерыв был вызван татарским игом и имел для просвещения пагубные последствия; второй перерыв связан с реформой Петра Великого и имел благодетельные последствия, а именно уничтожение схоластической образованности и появление подлинной науки, – сначала западноевропейской, потом и самостоятельной русской. Только в одной сфере духовной жизни, а именно в религиозной, реформы Петра не изменили существенно дела: византийское влияние, господствовавшее в Киевском и Московском периодах, исчезло, но дух византизма в церкви остался, и если в первые два периода церковь по отношению к государству и сохранила некоторую долю самостоятельности, то после Петра Великого она стала орудием государства и потеряла прежнее влияние на общественную жизнь и общественную мысль.

В первых двух периодах церковь и церковная литература стояли на первом плане и поглощали собой научную и философскую мысль, которая питалась почти исключительно богословскими вопросами, пользуясь напр, диалектикой Иоанна Дамаскина, т. е. сочинением, приспособившим логику к религиозным целям. Некоторые проблески философской мысли замечаются в “Словах” и “Поучениях” различных духовных писателей; впоследствии в самой церковной жизни возникают вопросы, дающие повод к различным взглядам и их мотивировке. Так, в связи с вопросом об устройстве монастырской жизни развиваются направления заволжских старцев и их противников, иосифлян, имеющие несомненно философский интерес; таковой же представляет и борьба православной церкви с католичеством и лютеранством и разными сектами, например, стригольников и жидовствующих. Среди жидовствующих была распространена логика Авиасафа, представлявшая перевод сочинения Аль-Газзалия, как это доказал академик П. К. Коковцов. Этот и тому подобные факты представляют впрочем больший интерес для историка литературы, чем для историка философии. Во всех произведениях, в которых есть хотя бы и слабо выраженный философский элемент, вопросы трактуются с этико-религиозной точки зрения, и это характерно, ибо такая точка зрения остается господствующей в русской философии, так что в этом наклоне в сторону этико-религиозных вопросов и в мистическом их решении нельзя не видеть национальной черты.

Нельзя не отметить также, что интерес к этическим вопросам почти не оставляет места для рассмотрения гносеологических проблем.

Наука и философия предполагают развитие просвещения. Просвещение же в первые два периода сводилось в большинстве случаев к одной грамотности, поэтому не могло быть и значительного духовного творчества. Образованные люди представляли исключение, оазисы в пустыне; только когда появилось систематическое учение, когда возникли правильно организованные учебные заведения, когда появились книгопечатание и библиотеки, стала возможной и наука. Первое значительное учебное заведение возникло в Киеве в начале XVII века. В тридцатых годах семнадцатого века во главе этого училища стал знаменитый Петр *Могила* и придал ему необыкновенный блеск и значение; из этого училища образовалась, в начале девятнадцатого века, Киевская духовная академия. Это было первое учебное заведение с правильным кур-

сом преподавания, в состав которого входили и философские науки. Из этого заведения вышел ряд выдающихся людей: в числе его преподавателей был между прочими и Феофан Прокопович. Подобное же учебное заведение возникло несколько позднее в Москве: в конце семнадцатого века появляется Московская Славяно-греко-латинская Академия; в ней действовали братья Лихуды, и из нее возникла Московская духовная академия. Петру Великому обязана своим возникновением Академия наук в Петербурге. Первый университет – Московский – возник в 1755 году, благодаря стараниям И. И. Шувалова и М. В. Ломоносова. В начале девятнадцатого века были учреждены университеты в Харькове, Киеве, Казани, Петербурге, позднее в Одессе, в Томске, Саратове, Перми. Университеты и четыре духовные академии стали центрами просвещения в России и им, конечно, а также и Академии наук, главным образом Россия обязана развитием научного и философского знания.

Но кроме учебных и ученых учреждений в России возникла и публицистика, в которой жила и развивалась своеобразная духовная жизнь, стоявшая в близких отношениях с реальной жизнью общества и благодаря этому являвшаяся посредником между отвлеченным научным и философским мышлением и конкретными вопросами, которые ставились жизнью, – вопросами этико-политического характера.

Развитие науки и философии за последние два столетия точно так же было прерывистым, хотя в общем оно постоянно прогрессировало, несмотря на многообразные препоны, которые создавались условиями политической жизни. В особенности это следует сказать относительно философии: она испытала на себе в большей степени подозрительность и гонения правительства, чем другие науки; впрочем в такой же степени, если еще не в большей, страдала и публицистика. Первое гонение испытала философия при Екатерине II, когда стали преследовать всякое проявление вольнодумства, которое раньше поощрялось самой императрицей. Радищев и франкмасоны были первыми жертвами правительственного преследования. Потом при Александре I такому же преследованию подвергалась мистическая литература, после того как она некоторое время, при князе Голицыне, поощрялась; но уже Голицын стал изгонять из университетов шеллингианцев; так, например, был изгнан из России профессор Харьковского университета Шад, устранен от преподавания Фесслер, и взято иод подозрение преподавание естественного права. Три попечителя: Корнеев, Магницкий и Рунич, произвели разгром трех университетов, Харьковского, Казанского и Петербургского; из подвергшихся опале профессоров отметим *Солнцева* в Казани, шеллингианца *Галича* в Петербурге, ректора *Осиповского*, противника Канта, и *Шада* в Харькове. Шишкову принадлежит знаменитая фраза относительно преподавания философии: “Польза сомнительна, а вред возможен”. При Николае Павловиче философское преподавание было весьма стеснено и в 1850 году передано из рук светских лиц лицам духовного звания. Такое положение оставалось до нового университетского устава 1863 г. Невыносимый гнет испытывала на себе и печать; она получила в первые десять лет царствования Александра II некоторые облегчения, но иосле десяти лет либеральных реформ, в середине шестидесятых годов прошлого столетия, вновь началось стеснение свободы слова и свободы преподавания в университетах и духовных академиях, и, тем не менее, вторая половина девятнадцатого столетия представляет относительный расцвет философской мысли в России.

Мы отметили наклон русской мысли в сторону разрешения этико-социальных вопросов в духе мистики. Однако некоторые авторы, как, например, Белинский, Чернышевский и проф. К. Тимирязев, настаивают на реализме русского мышления – Писарев считает материализм характерной чертой русских – и действительно, в области математики и естествознания Россия может указать первоклассных ученых; но это несколько не ослабляет нашего утверждения, подобно тому, как существование в английской литературе Генриха Мура или Кэдворта не изменяет основного ее характера, т. е. эмпиризма. Вл. Соловьев несколько раз говорит о мистическом реализме русских, и он прав, ибо и его сочинения представляют своеобразное

сочетание мистических и рационалистических элементов, какое мы встречаем, например, у Сковороды и даже у самого Белинского, противника всякой мистики, но живо интересовавшегося религиозными вопросами. Народник Юзов видел в преобладании чувства над рассудком характерную черту русской души. Это в сущности очень близко к утверждению, что мистика преобладает в русском мышлении. Отметим, что Лавров считал мистицизм характерной русской чертой.

В русской философии следует различать два направления: во-первых, то, которое развилось под влиянием чужой мысли – сначала византийской, потом польской и, наконец, западноевропейской вообще – и не противопоставляло себя этому иноземному течению, и, во-вторых, то, которое, появившись под чужим влиянием, стремилось выразить национальное мирозерцание, соответствующее духовным свойствам русского народа. Это национальное течение, высказавшееся сначала не вполне отчетливо, нашло себе полное выражение в славянофильстве. Это направление не было вполне самостоятельным, но оно желало быть таковым и стремилось создать оригинальную философию. Перефразируя известное изречение, что “побежден тот, кто признает себя побежденным”, мы вправе причислить к национальной русской философии тех писателей, которые сами себя причисляют к ней или являют черты явно славянофильского направления.

В истории русской философии профессор А. И. Введенский различает три периода: подготовительный период, период господства немецкого идеализма и период вторичного расцвета или самостоятельной мысли. Началом русской философии он считает 1755 год, т. е. год основания Московского университета. С таким делением трудно согласиться: во-первых, нет основания отождествлять философию с университетским преподаванием философии, во-вторых, нет основания выделять немецкий идеализм в особый период, так как его господство и до настоящего времени еще не прекратилось.

Историю русской философии можно разделить на два периода: подготовительный и построительный. Подготовительный период охватывает время до Ломоносова. Хотя этот период более интересен для историка литературы, чем для историка философии, но основные черты русского мирозерцания и в нем уже проявляются. Во втором периоде от Ломоносова до настоящего времени следует различать два направления: одно, представляющее только отражение западных течений мысли, другое более национальное. К русской философии нельзя пока предъявлять слишком больших требований – в ней пока нет еще ни своего Декарта, ни Бэкона, ни Канта, но следует надеяться, что пессимистические слова знаменитого К. Э. Бэра, сказанные Делянову – “в России только сеют, а жатвы не собирают”, окажутся неверными.

II

Говорить о первом периоде русской философии не входит в нашу задачу. Без сомнения, такие явления, как Нил Сорский и старец Артемий, как Максим Грек, Филофей, Крижанич и князь Курбский представляют интерес для философа и заслуживают полного внимания, но следует признать, что потребность в философии на Руси до восемнадцатого века была невелика, и она удовлетворялась переводной литературой и разными азбуковниками, – своего рода реальными словарями или энциклопедиями, в которых среди различных практических сведений попадались также и сведения по части философии. Более систематические занятия философскими науками начались в школах Киева и Москвы в семнадцатом веке. В двух высших классах преподавалась диалектика, физика, этика и метафизика в духе Аристотеля. Образцом преподавания могут служить лекции Иоасафа *Краковского*, или же учебники, какие были в ходу в начале шестнадцатого столетия на западе, например, Фомы Posnaniensis'a или Михаила de Vratislavia или Иоанна Glogoviensis'a. Из числа наиболее известных преподавателей в Киевской Могиланской академии назовем Феофилакта *Лопатинского*, Феофана *Прокоповича* и *Вишневецкого*. В Московской Греко-латинской академии братья *Лихуды* преподавали риторiku, комментировали логику Аристотеля и “введение” Порфирия. Они комментировали также и первые две книги “Физики” Аристотеля. Впрочем в 1694 г. преподавание Лихудов в академии было прервано, а в 1702 г. они сосланы в Ипатьевский монастырь.

На смену схоластического преподавания у нас явились учебники в духе Лейбница и Вольфа. Весьма большим распространением пользовались у нас в восемнадцатом веке учебники Баумейстера, Карпе и Винклера. Преподавание велось главнейше на латинском языке, и первым, кто стал читать лекции по-русски, был профессор элоквенции Московского университета *Поповский*, ученик Ломоносова, переводчик “Опыта о человеке” Попа. Влияние Вольфа сказалось на Аничкове и Брянцове, профессорах Московского университета, но оно сказалось и на лице гораздо более значительном, а именно, на первом русском ученом и философе *М. Ломоносове* (1711–1765).

С Ломоносова мы можем начать новый период. Этот гениальный ученый, конечно, обязан многим своему учителю Христиану Вольфу, но Ломоносов был в то же время и вполне самостоятельным мыслителем. Из механического мировоззрения Ломоносов выводил следствия, которые лишь гораздо позднее были приняты наукой; так, он предвидел кинетическую теорию теплоты и вполне ясно формулировал законы сохранения материи и энергии. Ломоносов полагал, что знание и вера не противоречат друг другу, что природа и библия в одинаковой мере говорят о могуществе Божества. Телеологию Ломоносов считал лучшим доказательством бытия Бога. Влияние Вольфа заметно, главным образом, на методических приемах Ломоносова, а также и в том, что он думал, что законы мышления в то же время суть и законы бытия. Однако Ломоносов постоянно настаивает на опыте, сравнивая опыт с руками исследователя, а размышление с глазами. Отметим, что логику с подробным учением о силлогизме Ломоносов изложил в своей “Риторике”.

Справедливость требует упомянуть в числе зачинателей русской философии и трудолюбивого, но мало талантливого противника Ломоносова, *В. Тредьяковского*: к его “Слову о премудрости, благоразумии и добродетели” им приложен словарь латинских философских терминов с переводом их на французский язык.¹ В своей речи Тредьяковский пользуется русскими терминами. К переводу различных томов огромной истории Роллена, сделанному нашим тру-

¹ Впоследствии словарь философских терминов Галич приложил к своей истории философии, а в 60-х годах вышел объемистый словарь Гогоцкого.

долюбимым академиком, им же написаны введения, в которых изложен курс практической философии.

Григория Саввича *Сковороду* (1722–1794) обыкновенно считают родоначальником русской философии. Сковорода был мудрец, учитель жизни, а не ученый, стремящийся объяснить явления внешнего и внутреннего мира. Жизнь его, согласная с учением, весьма замечательна; особенно интересны последние годы, когда он странствовал по Украине; он не расставался только со своим посохом, флейтой и библией: постоянная сердечная веселость досталась ему в качестве зрелого плода его житейской мудрости.

В Сковороде мистицизм уживался с рационализмом, истинная религиозность с уважением к правам разума и науки. Он не смешивал религии с суеверием, как это впоследствии делал, напр., Белинский, поэтому Сковорода мог одновременно видеть в религии центр человеческого бытия и в то же время резко бороться против суеверий, так что некоторые исследователи сравнивали его, совершенно впрочем напрасно, с французскими рационалистами восемнадцатого века. В религии Сковорода отличал божественное от человеческого и последней стороне, преданию, не придавал значения. Он думал, подобно Ломоносову, что вера и знание питаются двумя источниками, ведущими к одной цели: изучение природы, а равно и откровение библии одинаково ведут к Богу. И хотя во многих местах сочинений Сковороды Бог, как единое начало, проникающее все и содержащее в себе все, понимается пантеистически и отождествляется с “натурою”, но в то же время мы находим у Сковороды и философское оправдание учения о Св. Троице. Так как Бог во всем и всюду, то Его можно найти и в человеке, поэтому человеку необходимо самопознание; самопознание же учит, что только дух субстанциален, тело же есть лишь тень и пустошь; самое же важное в духовной жизни есть сердце, поэтому самое важное дело для человека и самая необходимая наука – умение жить. Сковорода по преимуществу религиозно-нравственный философ, и метафизика его есть только основа для построения этики. Он учил, что все люди стремятся к счастью, но не все его ищут там, где следует; многие видят его во внешних условиях – богатстве, положении в свете и т. д. Все это пустое. Счастье на этом пути найти нельзя, между тем оно так близко: всегда около нас и в нас самих. Поэтому достичь его нетрудно: все трудное не нужно, а нужное не трудно. Счастье зависит от нас, ибо состоит во внутреннем мире, в согласии с самим собой, в душевном веселии и довольстве. Душевное веселие приобретает человек, когда он сознает истинную свою сущность и устроит жизнь свою согласно с волею Божиею, – тогда наступает царство Божие внутри нас. Для достижения его следует придерживаться правила о сродности, т. е. жить согласно с индивидуальным характером, не насиловать своих склонностей и дарований. Стоическое *vivere secundum naturam* в известном смысле и есть жизнь по воле Божьей, ибо Бог есть природа.

Большого влияния Сковорода на развитие философии не имел; он оставил после себя лишь кружок поклонников, но не создал школы.

Третий мыслитель, на котором следует остановиться, это знаменитый автор “Путешествия из Петербурга в Москву” *Радищев* (1749–1802). В ссылке Радищев написал большой трактат “О человеке, его смертности и бессмертии”, который не успел вполне обработать. Этот трактат распадается на четыре части: в первых двух изложены доводы против бессмертия, а в последних двух – доводы в пользу его. К определенному выводу Радищев не приходит, предлагая лишь материал для решения вопроса. Замечательно, что Радищев в своих рассуждениях не прибегает к доводам религиозного характера. Несколько презрительный отзыв Пушкина о сочинении Радищева несправедлив, книга производит впечатление искреннего и добросовестного искания. Доводы в пользу бессмертия достаточно убедительны для того, чтобы читатель задумался над этим вопросом и увидел слабость материализма.

Радищев черпал весьма обильно из французских и немецких источников, но он не находился под исключительным влиянием французов, Гельвеция и энциклопедистов. На нем отра-

зилось, конечно, и французское влияние, господствовавшее в царствование Екатерины II, когда русское общество зачитывалось сочинениями Руссо, Вольтера и Гельвеция; однако это влияние не было значительным и прошло почти бесследно. Наибольшее влияние, по всей вероятности, оказал Руссо, которого переводили довольно часто. На одном из первых философских сочинений, а именно Якова *Козельского* (“Философические предложения”, СПб., 1768), в одинаковой степени отразилось влияние Гельвеция в теоретической части, а в практической немецких философов. На политическую жизнь идеи энциклопедистов имели большее влияние, чем на философию. Из Франции наряду с либеральными идеями энциклопедистов пришло и мистическое направление Сен-Мартена и консервативное Жозефа де Мэстра, получившее значительное распространение в русском обществе; Радищева, впрочем, это направление несколько не коснулось. Уже при Екатерине II началось преследование франкмасонов и мистиков, выразившееся в запрещении целого ряда книг, изданных в новиковской типографии.

Ярче всего мистицизм, господствовавший в начале царствования Александра I, обнаружился на *М. М. Сперанском*, который зачитывался произведениями М-те де Гюон, Фенелона, Св. Терезы, Сен-Мартена и др. Письма Сперанского к архиепископу Феофилакту, к П. Слободову, к Злобину, к Броневскому и Цейеру, а также отрывки из его рукописей, хранящихся в Публичной Библиотеке, приведенные в сочинениях Катетова и Эльчанинова о Сперанском, рисуют довольно полно картину роста мистицизма в душе Сперанского. Замечательно, что Сперанский ценит не столько мистическую теорию, сколько практику, долженствующую привести к Царству Божьему внутри человека. В этом отношении он остается верен основной черте русского мышления, проявившейся, напр., и в Ниле Сорском. Из отрывков Сперанского видно, что он знаком с сочинениями Канта, Фихте и Шеллинга, но, по-видимому, они не произвели на нашего законоведа большого впечатления. Суждение о Сперанском, пока не опубликованы его рукописи, не может быть полным и точным.

Ломоносов, Сковорода, Радищев и Сперанский – вот родоначальники русской философии. Хотя они и оперируют материалом, заимствованным с запада, но в них видна и оригинальная мысль, характеризующая различные стороны русского духа. Но эти зародыши самостоятельного мышления вскоре уступают место иноземной мысли сначала французской, потом немецкой.

Влияние английской и французской философии было незначительно, хотя никогда вполне не прекращалось. Так, еще при Петре на историке Татищеве заметно знакомство с Локком, Гоббсом и Бейлем; также и на Феофане Прокоповиче видно влияние Бэкона, а в его “Правде воли монаршей” многие положения заимствованы, по-видимому, из Гоббса; Бэконом же был увлечен и друг Прокоповича, *Маркович*. О Екатерининской эпохе Алексей Веселовский в книге “Западное влияние в новой русской литературе”, ст. 71, 5-е изд., говорит следующее: “Как старое поколение ни старалось сделать вольтерианство пугалом в глазах порядочных людей, как ни запрещали главных сочинений Руссо, на которых после того был еще более усиленный спрос, как ни отрекалась императрица от солидарности с новыми экономическими учениями, с гуманной внутренней политикой Неккера, Тюрго... – живые отголоски воспринятых идей не погибли, пережили трудные времена и выразились во многих начинаниях нового времени”. Влияние Монтескье легко заметить на “Наказе” Екатерины. Влияние французской философии не исчезло вполне и тогда, когда наступило господство немецкого идеализма: так, *Осиповский* переводил Кондильяка. *Лобачевский* усвоил себе идеи английского эмпиризма, точно так же, как и *Ф. Сидонский*; *Поповский* перевел Локка “О воспитании”. Позднее английское влияние заметно, главным образом, в области психологии: так, *М. М. Троицкий* пропагандировал английский ассоцианизм в своей книге “Наука о духе”, *А. Смирнов* применил его к области эстетики и т. д. Все же эти явления были только исключениями, а главное течение мысли повернулось в сторону немецкого идеализма, и русское мышление оказалось на долгое время в плену у него.

Причины этого поворота нетрудно указать; их несколько, и они очевидны: первая причина заключается, без сомнения, в содержательности, глубине и оригинальности идеализма, поставившего новые задачи философии и давшего новое решение их; французский сенсуализм и английский эмпиризм не могли тягаться с гносеологией и моралью Канта и Фихте; эмпиризм должен был совершенно перестроиться, чтобы вновь вступить в середине XIX века в борьбу с идеализмом. Вторая причина – политическая: результаты французской революции и проповедь свободомыслящих испугали правителей, в том числе Екатерину II и Александра I, которые резко изменили к ним свое отношение. Французская и отчасти английская философия были взяты под подозрение под влиянием идей, которые проповедывал, например, Жозеф де Мэстр и другие реакционеры.² Наконец, третья причина, которая есть результат второй, заключается в том, что в Россию во вновь открытые университеты были приглашаемы иностранцы, по преимуществу немцы, и из них многие были поклонниками идеализма Канта и Шеллинга. Из числа приглашенных следует упомянуть вольфианца академика *Бильфингера*, *Шварца*, *Буле* и *Шадена* – учителя митрополита Евгения и Карамзина – (в Москве), *Фишера* (в Петербурге), *Шада* (в Харькове), *Броннера* (в Казани) – поклонника Канта и учителя Лобачевского. Некоторые из указанных лиц, как, например, Шварц и Шаден играли в Москве значительную роль. Вместе с тем многие молодые русские, начиная с Ломоносова и Радищева и до настоящего времени, получали научное образование в немецких университетах и проникались уважением к немецкой философии.

² Жозеф де Мэстр прожил в Петербурге 14 лет и имел значительное влияние на Александра I, на А. Н. Голицына и др. Под его влиянием находились Свечина, отчасти Чаадаев, даже Жуковский, может быть, Сперанский. Ж. де Мэстр оказал влияние и на Соловьева в его учении о соединении церквей и о войне. Одно из стихотворений Соловьева “L'onda del mar divisa”, напрасно помещаемое в число оригинальных, есть перевод из Метастазия; самый текст Соловьев, вероятно, взял из “Soirees de St. Petersbourg” (10-й разговор).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.